

УДК 9(С18)+37
ББК 63.3(2Р54)+71

А. А. Корнилов и иркутское общество

Г. В. Оглезнева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Данная работа посвящена анализу взаимодействия известного историка и публициста А. А. Корнилова с представителями различных слоев иркутского общества в рамках общественных организаций.

Ключевые слова: А. А. Корнилов, иркутское общество, ВСОИРГО, газета «Восточное обозрение», библиотека-читальня, Общество распространения народного образования, городской театр, городская дума.

Многие известные деятели общественного движения дореволюционной России были так или иначе связаны с Иркутском – С. П. Трубецкой, С. Г. Волконский, М. В. Петрашевский, Н. А. Спешнев, М. А. Бакунин, П. Г. Заичневский и др. Почти все стали на время иркутянами не по своей воле. Среди немногих исключений – Александр Александрович Корнилов (1862–1925) – русский историк, публицист, один из основателей конституционно-демократической партии.

А. А. Корнилов окончил гимназию в Варшаве, затем юридический факультет Петербургского университета. В 1886 г. защитил диссертацию «О значении общинного землевладения в аграрном быту народов» и стал кандидатом права. В 1886–1892 гг. служил комиссаром по крестьянским делам в Царстве Польском. В 1892–93 гг., находясь в отставке, участвовал в деятельности комитета по борьбе с голодом в Тамбовской, Воронежской и Тульской губерниях. Намерение Корнилова ехать в Сибирь было связано с личными причинами – его невеста Наталья Антиповна Федорова, иркутянка, заканчивала Бестужевские курсы, а поскольку она получала стипендию от Иркутской городской думы, то должна была отработать некоторое время в школе по месту жительства. Корнилов поначалу предполагал, что «лучше ехать ...независимым пролетарием и заняться там частным путем изучением Сибири вообще и аграрного вопроса в частности, а также принять участие в местной журналистике» [4, с. 96], но затем согласился на государственную службу в Иркутске. А. А. Корнилов приехал в Иркутск 1 апреля 1894 г. и прослужил здесь чиновником (с мая 1896 г. – старшим чиновником) по особым поручениям практически при одном генерал-губернаторе – А. Д. Горемыкине. Ушел в отставку вскоре после назначения А. И. Пантелеева, и уехал из Иркутска 17 ноября 1900 г.

Изучение взаимодействия А. А. Корнилова и иркутского общества важно как для понимания формирования его общественно-политических взглядов, так и для стратификации понятия «иркутское общество». Анализ общественной деятельности Корнилова служит как бы лакмусовой бумагой для выявления социального и персонального состава активного меньшинства иркутского населения, помогает увидеть процесс формирования гражданского общества на примере Иркутска.

К моменту приезда имя А. А. Корнилова было уже отчасти знакомо иркутянам, поскольку в 1893 г. в Москве вышла его книга «Семь месяцев среди голодающих крестьян». Сам Корнилов пишет в воспоминаниях: «Появление этой книжки доставило мне тогда некоторую литературную и общественную известность, благодаря весьма сочувственным отзывам о ней, один из которых – в “Вестнике Европы”, – составлен был А. Н. Пыпиным, а другой – в “Русской мысли” – принадлежал перу И. И. Иванюкова» [5, с. 154]. Упомянутые Корниловым журналы были самыми популярными из «толстых» журналов у наиболее образованных слоев иркутского общества – дворян, чиновников, военных. Вероятно, репутация нового чиновника по особым поручениям способствовала вовлечению Корнилова в общественную деятельность практически сразу после приезда, тем более что он и сам этого желал.

Уже в мае 1894 г. А. А. Корнилов стал членом Восточно-Сибирского отдела Русского императорского географического общества по рекомендации активных деятелей Отдела – своего сослуживца М. М. Дубенского, одного из участников статистического исследования крестьянского землепользования в Иркутской и Енисейской губерниях в конце 1880-х – начале 1890-х гг., и Д. П. Першина – акцизного надзирателя, члена редакции газеты «Восточное обозрение». С мая 1895 г. (с перерывами) Корнилов избирался членом Распорядительного комитета и Ревизионной комиссии ВСОИРГО, с 1896 г. – членом Редакционной комиссии. Был также председателем статистической секции. Роль его в деятельности ВСОИРГО была скорее организационная, чем научная. В воспоминаниях он указывает, что участие в Географическом обществе не могло быть значительным уже по самому роду его научных познаний и вспоминает только одно выступление – с рефератом о Н. А. Милютине как одном из крупнейших организаторов научной статистики. Корнилов быстро познакомился со всеми членами Отдела, проживавшими в это время в Иркутске. Один из них – И. И. Попов, консерватор музея Географического общества, ставший в 1894 г. редактором газеты «Восточное обозрение», пригласил Корнилова участвовать в ее редакции.

На протяжении всей жизни в Иркутске Александр Александрович был связан с этой газетой, писал передовые статьи, вел отдел иностранной политики, выступал с полемическими и разъяснительными заметками как представитель общественных организаций. Судя по воспоминаниям, уже во время своей чиновной службы в Иркутске Корнилов придерживался либеральных убеждений. В частности, он полагал, что «нужно твердо осознать, что пока нам суждено барахтаться в тисках хотя бы и “доброжелательного” самодержавного бюрократизма, ничего путного в России быть не может» и, поэтому,

главной задачей печати считал «разоблачение полной несостоятельности...затей нашего самодержавно-бюрократического правительства» [6, с. 127]. Эти убеждения, вероятно, не противоречили взглядам весьма разнообразного круга сотрудников и людей, близких редакции «Восточного обозрения», куда входили как сибиряки – В. И. Вагин, М. В. Загоскин, А. Н. Ушаков, так и приехавшие в Иркутск по делам службы, как и сам Корнилов, – М. М. Дубенский, В. Н. Соловьев, Е. А. Перфильев, Е. Г. Шольп. Больше всего было ссыльных: П. Г. Заичневский, В. В. Свитыч-Илич, А. Н. Шипицын, И. И. Майнов, С. В. Ястрембский, С. Ф. Ковалик, С. А. Лянды, М. А. Кроль.

Участие Корнилова в различных просветительных учреждениях Иркутска было поначалу связано с личными обстоятельствами. В октябре 1894 г. он женился на Н. А. Федоровой, которая в это время служила учительницей в училище П. Пономарева и стремилась участвовать в общественной деятельности, направленной на развитие просвещения. Таким образом, и сам Александр Александрович, и Наталья Антиповна оказались в кружке лиц, благодаря которым в Иркутске появились бесплатная библиотека-читальня в память А. В. Потаниной и Общество распространения народного образования в Иркутской губернии. В своих воспоминаниях Корнилов перечисляет тех представителей иркутского общества, с которыми супруги сотрудничали в деле устройства народной библиотеки: А. А. Белозерова – учительница Девичьего института, закончившая Высшие женские курсы, Н. Н. Заостровская – жена директора народных училищ Иркутской губернии, Е. Ф. Пахолкова – дочь местного богатого купца, бывшая курсистка, В. А. Белоголовый. Утверждения устава народной библиотеки Корнилову удалось довольно скоро достигнуть «благодаря хорошим... отношениям с Горемыкиным... но добиться разрешения именовать нашу библиотеку-читальню именем А. В. Потаниной нам долго не удавалось» [4, с. 35]. Влияния Корнилова оказалось недостаточно, поскольку Горемыкин не симпатизировал Потанину, имя которого для него соединялось с идеями ненавистного ему сибирского сепаратизма. Библиотека-читальня была открыта в ноябре 1896 г. «Учреждение бесплатной библиотеки, видимо, отвечало назревшей потребности в книгах у населения, так что вскоре нам пришлось расширить наше предприятие и открыть второе отделение читальни в наемном уже помещении в более демократической части города – “на Горе”. Здесь впоследствии, собравшись со средствами, построили мы на отведенном участке и собственное здание, которое вскоре вслед за сим украсилось именем А. В. Потаниной» [4, с. 36]. Библиотека-читальня, как и городская публичная библиотека, составляла ежегодные отчеты о деятельности, которые позволяли проследить изменения читательской аудитории и спроса на книги и периодические издания. Уже в первый год выявилась нестабильность численности подписчиков, причину которой Корнилов объяснял «недостаточностью каталога допущенных в читальню книг, что побуждает подписчиков после нескольких обращений переходить в платную общественную библиотеку» [1, № 31]. Каталог был непреодолимым препятствием для расширения фонда, и следовало найти способы

расширения просветительной деятельности библиотеки-читальни. Корнилов, опираясь на пример процветания книжного склада в Красноярске, считал желательным не только устроить склад народных изданий в Иркутске, но и развить торговлю книгами по губернии. Склад был открыт в 1898 г., и туда поступали книги, не разрешенные для читальни, но, как отмечалось в отчете за 1900 г., «в целом склад мало оправдал возложенные на него надежды – продажа в Иркутске идет туго, сношения с уездами – в зачатке» [ГАИО. Ф. 446. Оп. 1. Д. 20. Л. 35–36].

Значительным было участие А. А. Корнилова в организации Общества распространения народного образования в Иркутской губернии. Проект устава этого Общества был составлен в 1894 г. Среди 44 лиц, подписавших его, 18 женщин (в том числе 7 учительниц) и 26 мужчин (в том числе – 6 работников просвещения, 10 чиновников, включая директора начальных училищ Иркутской губернии и служащих горного ведомства, управляющий Иркутским отделением Сибирского торгового банка, а также городской голова и гласный городской думы, управляющий книжным магазином, юрист, редактор газеты, врач). Таким образом, задача развития просвещения в крае могла объединить как людей, для которых общественная организация являлась дополнительным средством решения профессиональных задач, так и сторонников развития общественной инициативы в различных сферах культурной жизни. Отсутствие среди них ссыльных вполне объяснимо, поскольку при утверждении устава требовалось подтверждение благонадежности организаторов общества. Исключение составлял Б. П. Шостакович, который к этому времени фактически приобрел права гражданства и служил управляющим Иркутским отделением Сибирского банка. Состав инициативной группы отражает достаточно высокую степень активности женщин, как индивидуальную, так и в составе семьи. При этом не подлежит сомнению самостоятельность участия женской половины в общественной деятельности, поскольку почти все они в той или иной степени были вовлечены и в другие культурно-просветительные начинания – Н. Н. Заостровская, Е. Ф. Пахолкова, Н. А. Корнилова, В. А. Попова, М. П. Янчуковская.

Проект устава Общества дорабатывался по замечаниям главного инспектора народных училищ Восточной Сибири И. П. Татлина. Корнилов не только редактировал устав, но и входил в состав депутации, наряду с Б. П. Шостаковичем и Н. С. Боголюбским (начальником горного округа), избранной учредительным собранием Общества для переговоров с Татлиным. Несмотря на то, что депутация состояла из достаточно авторитетных лиц, убедить Татлина не удалось, и дело организации Общества было отложено. В начале 1898 г. Н. С. Боголюбский, приглашая А. В. Вознесенского и А. А. Корнилова собраться у него и окончательно отредактировать устав, замечал в письме к Александру Александровичу: «Главный труд по обработке проекта устава упал на Вашу долю» [ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 21(об.)]. В Государственном архиве Иркутской области сохранился экземпляр устава Общества распространения народного образования в Иркутской губернии, утвержденный Министерством внутренних дел 6.06.1900 г., на котором рукой

Корнилова нанесены поправки, сделанные министерством при утверждении устава. Таким образом, на протяжении шести лет организация Общества была одной из забот Корнилова.

Примечательно, что, участвуя в различных просветительных начинаниях, А. А. Корнилов умело отстаивал права общественных организаций, если возникал конфликт между ними и администрацией, независимо от статуса административного лица. Наиболее яркий пример связан с комиссией народных чтений, членом которой он был. По вопросу об утверждении чтений на публичных чтениях А. А. Корнилову пришлось вступить в конфликт с иркутским губернатором Моллериусом, инспектором народных училищ Троцким-Сенютовичем и самим генерал-губернатором Горемыкиным. При этом Корнилов опирался на точное знание закона и действовал в соответствии с ним: он подал жалобу на генерал-губернатора в Сенат и выиграл дело. Рассказывая об этом в своих воспоминаниях, Корнилов подчеркивает, что Горемыкин отнесся к этой жалобе вполне лояльно [4, с. 38].

В своих воспоминаниях Корнилов писал: «Служба моя могла так удобно комбинироваться с довольно широкой и относительно свободной общественной деятельностью» [4, с. 59]. Справедливость этого утверждения подтверждается привлечением его к делам городского театра. По просьбе А. Д. Горемыкина Корнилов вошел в состав театрально-строительного комитета в качестве делопроизводителя на последнем этапе строительства, и именно он составил и прочитал подробный отчет о сооружении театра в день передачи его городу – 30 августа 1897 г. Вскоре он был избран городской думой в состав дирекции театра. По словам Корнилова, он принял это избрание с надеждой влиять на более широкую эксплуатацию театра с просветительными целями.

Характерно стремление Корнилова, прежде всего, выяснить популярность театра у различных слоев населения Иркутска. Он составил статистический отчет о посещении театра в зимний сезон 1897/98 гг. и получил благодарность от дирекции «за выдающийся и редкий труд» [ГАИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 6. Л. 37 (об.)]. Данные отчета свидетельствовали о большем интересе к театру у менее обеспеченных горожан, поскольку мест на галерее в среднем было занято значительно больше (80,99 %), чем на балконе (47,74 %), в партере (48,55 %) и в ложах (50,76 %). Особенно ясно отражали культурные запросы горожан данные о посещении общедоступных спектаклей: заполняемость галереи в среднем 92,6 %, а лож – 41,76 % [1, № 43]. Таким образом, отчет подтверждал значимость именно просветительной, а не развлекательной деятельности театра.

При этом Корнилов видел трудности, с которыми придется столкнуться при реализации этих намерений. Городской театр не имел финансовой поддержки города, а доходы, получаемые от сдачи в аренду буфета и вешалок, давали средства только на текущие расходы. Частной антрепризе ставились определенные условия, но она, как замечает Корнилов, стоит на твердом материальном основании. Таким образом, согласование просветительских целей и достижение коммерческого успеха требовало повседневной умелой дея-

тельности дирекции. Прежде всего, дирекция контролировала деятельность антрепренера А. А. Кравченко и с этой целью директора посещали спектакли. Высказанные ими замечания должны были корректировать репертуар. Например, 14 октября 1899 г. дирекция театра, по заявлению А. А. Корнилова, отметила крайне неудачную постановку вообще и балета в частности в пьесе «Потонувший колокол», «причем такая постановка идет совершенно в разрез с теми условиями, которые были поставлены при передаче театра городу и вообще тем просветительным целям, для которых было сооружено само здание» [ГАИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 6. Л. 81 (об.)].

Протоколы заседаний дирекции свидетельствуют о стремлении всех директоров – В. О. Тышко, Ф. А. Заборовского, В. В. Равич-Щербо, Б. Г. Патушинского, П. Н. Верховинского и самого Корнилова – использовать помещение театра максимально эффективно, особенно в Великий пост и на пасхальной неделе, когда оно предоставлялось в распоряжение дирекции. В это время проходили благотворительные спектакли в пользу выпускников мужских и женских гимназий, приюта арестантских детей (1898 г.), общедоступный спектакль артистки М. А. Саблиной-Дольской (1900 г.). Интересен пример использования Корниловым возможностей газеты «Восточное обозрение» для пропаганды общественных начинаний иркутян в связи с деятельностью театра. Был применен прием как бы внутренней полемики в газете. В конце 1897 г. в «Восточном обозрении» появилась довольно критическая заметка о городском театре за подписью «дедушка Мазай» (А. Н. Варенцов). В начале 1898 г. А. А. Корнилов ответил на эту публикацию, оценив ее как остроумную и добродушную и как повод высказать свои соображения в качестве члена театральной дирекции. Наряду с подтверждением стремления дирекции к развитию просветительской роли театра, Корнилов отводит упрек «дедушки Мазая» в том, что залы театра днем пустуют, и нет в них лекций и чтений: «Значит, нет в городе лекторов и организаторов чтений, нет Общества попечения о народном образовании и устройстве народных развлечений» [1, № 2]. Таким образом, газета приводила еще один аргумент в пользу Общества, просветительным целям которого здание нового театра может широко распахнуть свои двери. Именно за такое общество в это время шла борьба с администрацией учебного округа Восточной Сибири.

Работа Корнилова в составе дирекции вызывала одобрение в городской думе, о чем свидетельствует выраженная думой благодарность за полезную службу городу в качестве директора городского театра и переизбрание его в состав дирекции в январе 1900 г.

Наиболее насыщенной была общественная деятельность Корнилова в последние годы его пребывания в Иркутске. 11 января 1898 г. он был избран в городскую думу, и к его прежним занятиям добавилась работа в качестве гласного. Иркутское общество возлагало большие надежды на вновь избранную думу, поскольку, по данным газеты «Восточное обозрение», в нее входили, наряду с купцами и мещанами (35 человек), служащие в банках и правительственных учреждениях (9), врачи (6), юристы (6), учителя (5), инженеры: архитектор, путеец, технолог, лесничий (всего 5) и один редактор газеты.

Из этих подсчетов следовало, что «по числу интеллигенции иркутская дума, вероятно, одна из редких дум, а потому мы к ней вправе предъявить наиболее серьезные требования и надеяться, что благоустройство города будет упорядочено и решен вопрос о всеобщем бесплатном обучении» [1, № 6]. Эти надежды мог разделять и Корнилов как член редакции газеты.

На выборах городского головы он был одним из кандидатов, получил 12 голосов, но отказался баллотироваться и был избран председателем на те случаи, когда при обсуждении тех или иных вопросов не мог председательствовать городской голова, причем за это избрание проголосовали 50 гласных из 52. Столь же единодушно Корнилов был избран в губернское по городским делам присутствие (49 голосов из 52). Эти данные в некоторой степени отражают оценку иркутским обществом деловых качеств и общественной позиции Корнилова.

Протоколы заседаний городской думы 1898–1900 гг. свидетельствуют об его активном участии в работе думы, за исключением периодов командировок и отпусков. На первых заседаниях Корнилов поддержал предложение И. И. Попова о необходимости предварительного знакомства с докладами по обсуждаемым вопросам, и даже предлагал печатать их в «Известиях городской думы», если они содержали много цифр (например, при обсуждении строительства Медведниковской больницы, 1898 г.). И в дальнейшем практически по всем вопросам Попов и Корнилов выступали как единомышленники, нередко вместе с юристом В. А. Харламовым, директором Промышленного училища В. О. Тышко, купцом, членом городской управы В. А. Белоголовым. Позиция этой группы в городской думе отражала представления либералов о принципах деятельности городского самоуправления и его роли в жизни города.

Наиболее полно эти представления отразились в докладе, подготовленном Корниловым как председателем думской комиссии для выработки предложений о распределении обязанностей между членами городской управы. Очевидно, члены комиссии – купцы А. С. Первунинский, Я. С. Комаров и П. Р. Кравец, И. О. Концевич – бывший политический ссыльный, постоянно избираемый гласным городской думы, адвокат В. Д. Власов, а также упомянутые выше Тышко и Попов – разделяли его суждения, поскольку возражений не зафиксировано. Комиссия подошла к делу очень основательно и, прежде всего, выяснила положение, потребности и наличные способы ведения городского хозяйства, придя к выводу, что основная черта заведывания этим хозяйством – канцеляризм. В докладе комиссии Корнилов упоминает, что об этом писал еще В. П. Сукачев в 1893 г., но никаких изменений не произошло. Не предъявляя никаких претензий к канцелярии (состав ее хорош), автор доклада указывает, что, по смыслу городской реформы 1870 г., «городское общество имеет большую возможность поставить правильно городское управление и хозяйство путем выбора того или иного лица, принадлежащего к тому же городскому обществу, с одной стороны лично заинтересованных, чтобы хозяйство в их родном городе шло правильно, а с другой стороны и хорошо подходящих своею практической, коммерческой и промышленной

деятельностью к заведованию более или менее сложными и крупными отраслями городского хозяйства» [7, с. 5]. При этом члены комиссии пришли к выводу, что в Иркутске городская управа не может справиться с возложенными на нее обязанностями из-за своей малочисленности, поэтому «городская дума должна взять городское хозяйство в свои руки и заведывать им при помощи не только управы, но и исполнительных комиссий из г.г. гласных» [7, с. 23]. Эти предложения отражают убеждения Корнилова (и не только его), что органы городского управления должны соответствовать принципам самоуправления в полном смысле этого слова. «За успех городских дел перед населением ответственна и нравственно и по закону не одна управа, но и дума и раз дума видит, что управа без ее помощи не может справиться со всею массою городских дел, дума должна принять эти дела в свое непосредственное заведывание» [7, с. 23]. Характерно, что Корнилов ссылается на «смысл» городской реформы 1870 г., хотя в 1892 г. было принято новое Городовое положение, которое не только сокращало представительство мелких собственников в городском самоуправлении, но и усиливало административное вмешательство в его дела, так что за успех городских дел теперь несла ответственность не только городская дума и управа, но и администрация. Неудивительно поэтому, что никакого практического значения доклад не имел, хотя был принят городской думой.

При решении конкретных вопросов Корнилов всегда выступал за гласность в деятельности городской управы. Так, весной 1898 г. он настаивал на необходимости отчетов городской управы о проведении хлебно-соляной операции для обеспечения горожан продуктами по более низким ценам через две городские лавки. Неоднократно возвращаясь к этому вопросу, он предлагал обязать управу представить доклад об исправлении дел, критиковал члена управы Н. К. Стукова, который занимался этим вопросом. Полемика вокруг этих операций отражает разногласия внутри думы в вопросе о способах ведения городского хозяйства. Исполняющий обязанности городского головы П. Я. Горяев заметил, что управа не может вести коммерческих операций, на что Корнилов возразил, что только те города и ведут свои хозяйства как следует, которые не упускают из виду тех коммерческих предприятий, которые им доступны [1, № 74]. Экономический подход, по его мнению, мог быть найден и вне коммерческой сферы. Например, для изыскания средств для улучшения городского освещения он предлагал установить налог для домовладельцев за различные уклонения от правил строительного устава, «в чем сильно грешат иркутские домовладельцы, то устраивая какие-то выступы, то сильно удлинняя крыльца» [2, № 216]. Примером успешного пополнения городского бюджета таким способом он считал Томск.

Решение практически каждого вопроса Корнилов соотносил с принципами Городского положения 1870 г., одна из статей которого указывала, что городское управление должно заботиться как о благоустройстве города, так и способствовать умственному и нравственному развитию населения. Так, при обсуждении вопроса о передаче (или продаже) городской земли духовному ведомству для строительства церковно-учительской семинарии и монастыря

(по завещанию В. А. Литвинцева), он, вместе с Поповым, В. Белоголовым, Харламовым, указывал, что мотивом уступки городской земли не может быть исключительно просветительное значение монастыря, так как город должен отдавать предпочтение городским министерским школам, зная, насколько церковно-приходские школы вообще стоят ниже по своему образовательному уровню (гласные отклонили ходатайство о продаже). При создании городской благотворительной комиссии в ноябре 1899 г. Корнилов заявил: «Задача благотворения – это коренная задача города и передавать это дело частным обществам едва ли желательно» [2, № 258].

Анализ деятельности Корнилова в городской думе свидетельствует, что общность взглядов по конкретным вопросам не исключала разногласий при обсуждении других дел. Так, он председательствовал в думе при рассмотрении вопроса об обвинениях члена управы В. А. Белоголового в адрес почти всего персонала управских служащих и предложил формулировку «о вздорности» всех обвинений. Значительное большинство гласных эту формулировку поддержали, хотя многие смущались ее резкостью и просили ее смягчить. Корнилов описывает этот случай в своих воспоминаниях и замечает, что «остался в этом случае при своем, считая, что тут уместна именно резкая постановка вопроса, ибо дело касалось чести лиц, ни в чем не повинных» [4, с. 69]. Этот пример очень наглядно характеризует взаимоотношения Корнилова и иркутской общественности – его авторитет мог преодолеть частные разногласия, в то же время сам Корнилов не отступался от своих убеждений перед угрозой конфликта. Одним из таких убеждений была защита чести лиц «ни в чем не повинных». Особенно отчетливо, как представляется, это отразилось в так называемой «отдельской истории» 1899 г.

В конце 1899 г. во ВСОИРГО возник конфликт, в котором, по мнению редакции «Восточного обозрения», «принял участие самый, так сказать, цвет иркутского общества» [2, № 259]. В сентябре 1899 г. при выборах правителя дел Распорядительный комитет ВСОИРГО рекомендовал на эту должность В. Б. Шостаковича – консерватора музея, который уже временно ее исполнял. В день выборов 4 октября от В. И. Вагина поступило письмо, в котором он обращал внимание на ошибку комитета, выставившего одну кандидатуру вместо трех, требуемых по уставу и удивлялся, что комитет не нашел среди живущих в Иркутске членов трех лиц, достойных занять эту должность. При этом Вагин писал: «Мне мало известен нынешний состав Отдела, но и тут я, не задумываясь, могу сразу назвать гг. Корнилова, Левина и Ушакова как достойных кандидатов в правители дел» [3, с. 17]. В то же время фамилия В. Б. Шостаковича, по его мнению, больше известна в коммерческом, чем в ученом мире. После получения этого письма было назначено чрезвычайное собрание для повторных выборов. При этом В. Б. Шостакович обращал внимание Распорядительного комитета на недостойный по отношению к нему тон Вагина, а Б. П. Шостакович отвергал обвинения Вагина по существу. А. А. Корнилов, являясь членом Распорядительного комитета, был избран председателем чрезвычайного собрания 10 ноября 1899 г. и даже временным председателем Отдела ввиду отказа А. В. Вознесенского от этой должности.

На собрании были аннулированы результаты выборов 4 октября, в то же время В. Б. Шостаковича просили не снимать своей кандидатуры при повторном голосовании. Дискуссию вызвал вопрос об обсуждении тона письма Вагина, на чем настаивали не только В. Б. и Б. П. Шостаковичи, но и некоторые другие участники собрания. Однако Корнилов, пользуясь правами председателя собрания, не только заявил, что тон письма «в смысле порицания его или одобрения он не считает предметом обсуждения ни Распорядительного комитета, ни общего собрания», но и закрыл собрание [3, с. 28]. Эти действия Корнилова вызвали прямое осуждение значительной части Распорядительного комитета, и его члены разделились на два враждебных лагеря. При этом действия Корнилова не одобряли даже его сторонники. Так, в публикации «Восточного обозрения» говорилось: «...мы не можем не выразить сожаления, что в этом случае не было допущено обсуждения тона письма Вагина, так как теперь уже говорят о том, что ввиду “партийных интересов зажали рот” и что-то скрывают от публики. Председатель же имел бы возможность остановить прения, если бы они приняли оскорбительный для кого-нибудь характер» [2, № 259]. Можно предполагать, что именно опасение оскорбительных по отношению к Вагину выступлений и заставило Корнилова действовать совершенно недемократично, в не свойственном ему духе, поскольку сам автор письма, не присутствуя на собрании, не мог отстаивать свои суждения.

Вместе с тем эта история конфликта во ВСОИРГО позволяет не только характеризовать А. А. Корнилова как общественного деятеля, но и более предметно говорить о самом понятии – «иркутское общество». На рубеже XIX–XX вв. круг активных деятелей, так или иначе участвующих в общественной жизни города, оставался сравнительно узким. Доказательством служит повторяющийся перечень лиц, с которыми сотрудничал Корнилов в общественных организациях. Среди них: И. И. Попов (газета, ВСОИРГО, городская дума, Общество распространения народного образования), Н. С. Боголюбский (читальня, ОРНО), В. О. Тышко (дума, театр, ВСОИРГО), В. Б. Шостакович (ВСОИРГО, читальня, ОРНО), Д. П. Першин (ВСОИРГО, ОРНО, газета), И. С. Фатеев (ВСОИРГО, читальня, газета, ОРНО, дума) и др. Среди представителей активного меньшинства значительно больше приезжих, чем местных уроженцев. Как известно, этот факт вызывал различные суждения, в том числе и беспокойство о том, что пришлые в край люди мало озабочены его нуждами (Г. Н. Потанин). Вместе с тем выходцы из Европейской России имели преимущество перед сибиряками – более высокий уровень образования (чиновники), большую общественную активность (политические ссыльные). Кроме того, сама сибирская действительность создавала условия, при которых этому пришлому элементу приходилось решать местные проблемы, о чем свидетельствует, в том числе, и участие А. А. Корнилова в общественных организациях Иркутска.

Кроме того, анализ персонального состава общественных организаций города подтверждает, что проблема конфликта между властью и обществом не так однозначна, как долго было принято считать. В состав активного

меньшинства иркутской общественности входило немало чиновников, которые уже в качестве общественных деятелей могли вступать в конфликт или диалог с представителями власти. Примером может служить сотрудничество Корнилова в газете, которая подвергалась цензуре генерал-губернатора, при котором он состоял чиновником по особым поручениям. При этом Корнилов вполне конструктивно, судя по документам, сотрудничал с цензором В. В. Равич-Щербо в составе театральной дирекции. Примеры такого рода связаны не только с Корниловым. Можно вспомнить отказ главного инспектора народных училищ Восточной Сибири И. П. Татлина от поддержки устава Общества распространения народного образования в Иркутской губернии, хотя в числе его инициаторов был директор начальных училищ Иркутской губернии М. А. Заостровский. Таким образом, участие чиновников в общественной деятельности могло противоречить принципам корпоративной этики.

В то же время, очевидно, общественная деятельность чиновников не вызывала недовольства региональных властей, в частности генерал-губернатора А. Д. Горемыкина. Тем более, в частной жизни чиновники могли позволить себе самостоятельно определять круг общения. Во всяком случае, А. А. Корнилов, несмотря на свое положение чиновника по особым поручениям, близко общался с политическими ссыльными, и вспоминал, что в 1896 г. в их довольно большой квартире в доме Нацвалова на углу Баснинской и Грамматинской улиц устраивались журфиксы, на которые иной раз собиралось больше 20 лиц. «Большая часть собиравшихся обыкновенно принадлежала к кружку политических ссыльных. И вскоре в глазах многих иркутян я до того с этим кружком объединился, что некоторые считали и меня чуть ли не политическим ссыльным» [4, с. 70]. Политические разногласия в то время не были препятствием к осуществлению совместной общественной деятельности.

Доказательством сложившейся в Иркутске группы единомышленников Корнилова может служить намерение провести его в городские головы, о котором упоминает И. И. Попов [8, с. 115], а также предложение быть вторым редактором «Восточного обозрения».

Сам Корнилов, подводя итог своего пребывания в Сибири, писал: «Прожив в Сибири семь лет, я чувствовал, что пустил корни и что расстаться с Сибирью мне не так легко, и если я ехал из Сибири, притом ехал даже без определенных намерений, то это главным образом потому, что служить дальше под начальством Пантелеева не представляло соблазна. Я чувствовал, что принес пользу Сибири, насколько мы вообще можем принести ее» [4, с. 95]. Судя по всему, Корнилов не возражал против того, чтобы, уйдя с государственной службы, остаться в Иркутске на общественном поприще. Однако Главное управление по делам печати сочло ходатайство об этом не подлежащим удовлетворению, и Иркутск лишился одного из самых активных общественных деятелей.

1. Вост. обозрение. – Иркутск, 1898.
2. Вост. обозрение. – Иркутск, 1899.
3. Изв. ВСОИРГО. – Иркутск, 1901. – Т. 31. – Вып. 1–2.
4. *Корнилов А. А.* Воспоминания // Минувшее. Вып. 11. – М. ; СПб., 1992.
5. *Корнилов А. А.* Воспоминания // Вопр. истории. – 1994. – № 2.
6. *Корнилов А. А.* Воспоминания // Вопр. истории. – 1994. – № 3.
7. *Корнилов А. А.* Доклад Иркутской городской думе / А. А. Корнилов. – Иркутск, 1898.
8. *Попов И. И.* Забытые иркутские страницы: записки редактора / И. И. Попов. – Иркутск, 1989.
1. Vostochnoye Obozreniye. – Irkutsk, 1898.
2. Vostochnoye Obozreniye. – Irkutsk, 1899.
3. News of Eastern Siberia Department of the Russian Geographical Society. V. 31. N 1–2. – Irkutsk, 1901.
4. *Kornilov A. A.* Memoirs // The past. N 11. – M. ; SPb., 1992.
5. *Kornilov A. A.* Memoirs // Issues of History. – 1994. – N 2.
6. *Kornilov A. A.* Memoirs // Issues of History. – 1994. – N 3.
7. *Kornilov A. A.* Report for the Irkutsk City Duma. – Irkutsk, 1898.
8. *Popov I. I.* The forgotten Irkutsk pages: editor's notes. – Irkutsk, 1989.

A. A. Kornilov and the Irkutsk Society

G. V. Oglezneva

Irkutsk State University, Irkutsk

This article deals with the study of the famous historian and publicist A. A. Kornilov' interactions with the all ranks of Irkutsk society within the public organizations activities.

Key words: A. A. Kornilov, Irkutsk society, VSOIRGO (Eastern Siberia Department of the Russian Geographical Society), newspaper “Vostochnoye Obozreniye” (The Eastern Review), library, popular schooling extension Society, city's theatre, City Duma (City Council).

Оглезнева Галина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1–310, 8(3952)240522, e-mail: gogl@mail.ru

Oglezneva Galina Vasilevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, the Irkutsk State University, 664003, 664003, Irkutsk, Karl Marx st., 1-310, 8(3952)240522, e-mail: gogl@mail.ru